

считается теперь ошибочным), хетт. *pidai-* (*piliyami* и т. д.) 'бежать, спешить, убежать', к звуковой форме — др.-инд. *apa-rad-* 'вытекать', *api-rad-* 'прибывать, поступать', *ā-rad-* 'входить, вступать', *pādyaite* 'падает; идет', авест. *paīdieiti* 'идет, приходит', лат. *pes, pedis* 'нога', греч. *πόδις, ποδός*, гот. *folus* то же. Из этого следует, что глагольная основа п.-е. **pent-* 'ступать, идти', как и связанная с пей-именная основа **pont-* (*pyt-*), представляет собой лишь инфигированный вариант элементарного корня **pet-* 'идти, бежать, лететь, падать' с его именной разновидностью **pol-* 'дорога; полет'. Признавая наличие в индоевропейском, наряду с инфиксом *-n-*, других инфиксов, в частности *-r-*, можно прийти к выводу, что и.-е. **prt-* (**port-*), сохраняющееся в праслав. **prtь* (укр. диал. *перть*, чеш. словац. *prt'* и т. д.), герм. **prt-* (нем. *Furt* и т. д.), представляет собой другой инфигированный вариант того же корня и.-е. **pet-/pt-*. Но корень **prt-* (**port-*) с не меньшим основанием может считаться и распространенной (или суффиксальной) разновидностью корня **per-* 'переносить' и т. д., и принять по этому вопросу однозначное решение в настоящее время представляется затруднительным.

Р. В. Кравчук

К ПРАСЛАВЯНСКИМ NOMINA QUALITATIS.
 ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО
 С РАЗЛИЧНОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ ФОРМАНТОВ
 -OSTЬ, -BSTVO (-BSTVЬJE)
 ОТНОСИТЕЛЬНО РАЗНЫХ ТИПОВ
 ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ

Праславянская языковая общность распадалась на большое число изоглоссных областей. Славянские диалекты праславянской эпохи отличались большим разнообразием и, конечно, не сводились к вариациям ограниченного числа черт. Лексика, вероятно, варьировала в значительной степени. Все это усложнялось перемещениями славян (или же отдельных славянских племен) в пространстве.

Мы хотим показать, что дифференциацией было затронуто также и словообразование. Об этом писалось давно. Но, как нам представляется, больше обращали внимания на различия в наборе аффиксов в разных славянских языках. Это, бесспорно, важное достижение, но весьма существенным является и изучение комбинаторики отдельных славянских формантов. Здесь обнаруживаются интересные изоглоссные области и, как кажется, формальная сторона исследуемых структур позволяет высказывать некоторые предположения об изоглоссных зонах славянского мира в прошлом. Вопрос о диалектных зонах праславянского мы надеемся конкретизировать, изучая отдельные словообразовательные модели, сочетаемость разных типов основ с определенными формантами. Но даже при таких

ограничениях предлагаемая проблематика заслуживает основательного пространного исследования. Поэтому мы позволим себе остановиться лишь на главном и ограничиться материалом только некоторых славянских языков (тем более, что и в этом случае не всегда можно опереться на однозначно толкуемые факты).

На IX Международном съезде славистов мы только затронули рассматриваемые ниже вопросы¹ и сейчас остановимся на них несколько подробнее, учитывая бесспорную важность данной проблематики для исследования древнейшей истории славянских языков. В основе наших наблюдений лежат довольно известные факты, многократно описанные, из которых, однако, как нам представляется, не всегда делались заключения, соответствующие сложности предмета.

Существенной представляется констатация довольно глубоких различий между сходными структурами типа *nomina qualitatis* в разных славянских языках. В частности, мы видим отсутствие в прошлом структур на *-yn-ostь*, *-yn-ьstvo* (типа *věčьnostь*, *věčьnьstvo*) в восточной и, частично, южной группе славянских языков (при обилии прилагательных на *-yn-* во всех славянских языках), наличие форманта *-ьstvje* только в чешском языке (среди западославянских) и т. п. Подобные наблюдения представляются весьма существенными, так как позволяют нам восстановить по крайней мере часть древних расхождений между славянскими языками во вполне конкретном облике. Важно то, что в ряде случаев довольно четко выделяются определенные хронологические слои. Так, например, образования на *-ostь* довольно определенно распадаются на два слоя: 1) более ранний (который можно считать исходным состоянием вообще): здесь *-ostь* соединяется с неосложненными посредством других суффиксов (легко отделяемых) основами (тип **mьdrostь*, **bьlostь* и т. п.); 2) более поздний по происхождению, характеризующийся присоединением *-ostь* к уже осложненным при помощи других элементов основам. Здесь особое место занимает сочетаемость *-ostь* (это касается также и некоторых других формантов) с основами прилагательных, образованных посредством суф. *-yn-* (типа **bьdьnь*, **grьdьnь*, **vьrьnь* и т. д.), так как среди всех производных прилагательных это, пожалуй, самая многочисленная и значительная группа.

Для нас важно то, что первый тип образований (присоединение форманта к неосложненным основам) остается довольно долго господствующим (если не единственным), как о том свидетельствуют памятники письменности, в части славянских языков, в то время как в других славянских языках уже произошел сдвиг в сторону расширения круга словообразующих основ и, прежде всего, вовлечение в сферу активности формантов *-ostь*, *-ьstvo*, *-ьstvje* многочисленной группы прилагательных на *-yn-*, древность которых сомнений не вызывает.

Выбор для анализа именно суф. *-ostь*, *-ьstvo*, *-ьstvje* обусловлен их значительностью в системе славянского словообразования и достаточно четкой очерченностью их функций. Напомним также, что мы, называя в заглавии нашей статьи «разные типы производящих

основ», имели в виду, в данном случае, основы, осложненные суф. *-ьн-*, и основы без этого наращения. Даже при таком ограничении проблематики и материала ситуация представляется весьма сложной, запутанной и трудно обозримой в краткой статье. Сосредоточимся поэтому только на наиболее существенном.

Поскольку для наших разысканий первостепенной представляется надежность фактического материала, то целесообразно оценить источники, из которых черпалась необходимая лексика, оценить достоверность используемого материала. Здесь намечается и прямой выход в текстологию памятников, материал которых привлекался.

Весьма надежными являются собственно старославянские (древнеболгарские) памятники классического канона². Они однозначно свидетельствуют об отсутствии формаций на *-ьн-ostь*, *-ьн-ьstvo*, *-ьн-ьstvьje* в древнеболгарском языке (мы в данном случае не учитываем единичные образования типа *dostojьnъstvo*, *prazdъnъstvo*, *razъnъstvo*, *gvьnъostь*, *skvrъnъostь*, лишённые ясной внутренней формы). Надежность показаний старославянских памятников классического канона как максимально приближенных к исходной языковой ситуации намного превосходит показания церковнославянских источников, упорядоченность которых основательно расшатана в разных изводах и их комбинациях.

Вторым по надёжности показаний является древнечешский язык (к нему в данном случае определённым образом примыкает и древнепольский). Достаточная древность памятников (с XIII в.; ср., например, великолепный «Тубес», или Мюнхенские отрывки) и практически полное отсутствие в чешском языке старославянских (древнеболгарских) элементов делают его важным свидетелем совершенно иной ситуации в западной части славянского мира. В древнечешском языке огромное количество формаций, образованных от прилагательных на **-ьн-* (типа **-ьн-ostь*, **-ьн-ьstvo*, **-ьн-ьstvьje*). О древности их свидетельствует, например, то, что в чешском языке сочетание **-ьн-ьstvo* (др.-чеш. *-enstvo*) ещё в дописьменную эпоху стало быстро заменяться сочетанием **-ьн-ьstvie*, так что в памятниках мы встречаем лишь остатки *-enstvo*³. Интересно отметить, что образования *въчьньство*, *въчьньстваце* встречаются в «Беседах Григория Великого», церковнославянском памятнике чешской редакции, что также указывает на достаточную древность этих словообразовательных типов⁴.

Между этими в определённом смысле полярными языками занимают свои места остальные славянские языки. Показания древнерусских памятников исключительно важны, однако значительная доля церковнославянских заимствований в древнерусском заставляет пользоваться его свидетельством весьма осторожно. Следует отметить, что определённые иноязычные наслоения есть уже и в классическом старославянском, а в «постклассический» период древнеболгарские памятники переполнены элементами из разных изводов.

При осмотнительном использовании материала древнерусских памятников можно получить вполне приемлемые результаты наблюдений, например, над словообразованием существительных катего-

рии *nomina abstracta*. Так, исследования показали, например, что суф. **-ostь* в древнерусском присоединялся в большинстве случаев к непроизводным основам прилагательных (исключая прилагательные на *-ьл-*)⁵. Тем самым древнерусский язык как будто определённым образом сближается со старославянским, где производными основами в данном случае выступают непроизводные прилагательные.

К сожалению, в общем достаточно достоверными являются только результаты, полученные анализом классических старославянских (древнеболгарских) памятников, не считая надёжных свидетельств чешской зоны, выступающей в данном случае как бы антиподом к старославянской. В «постклассический» период развития старославянского языка (а в древнерусском языке в определённом смысле это «изначальное» состояние) появляется огромное количество рукописей с вкраплениями особенностей других славянских языков (древнерусского, сербского, хорватского). Этот же процесс происходит и во всех языках, принявших в качестве языка письменности древнеболгарский. Волна, разнесшая старославянскую письменность, с одной стороны, воспрепятствовала проявлению особенностей значительной части славянских языков, а с другой — способствовала распространению в церковнославянских текстах многочисленных вкраплений, отражающих черты разных славянских языков. Это привело к появлению как бы смешанных текстов, в которых сквозь древнеболгарскую основу просвечивают особенности других языков. Распространение старославянского языка с его нормами как языка письменности в значительной части славянского мира основательно скрыло особенности, например, сербохорватского языка и не всегда можно судить правильно о нормах последнего в интересующем нас плане. К этому прибавляется заметное влияние в XIV в. чешского языка на хорватско-глаголическую письменность.

Такие нередко неожиданные и озадачивающие вкрапления в тексте имплицитно обращают к текстологии памятника, без чего сегодня немислимы сравнительно-исторические штудии, основывающиеся на материале памятников письменности, и этот материал должен быть соответственно подготовлен, классифицирован и очищен именно текстологическим анализом. К сожалению, языковеды-компаративисты, да и историки языка, редко предварительно обращаются к текстологии памятников, из которых черпается материал. Об этом стоит пожалеть, так как тем самым не принимаются во внимание некоторые важные моменты, а сам материал, будучи разнородным по происхождению, склоняет исследователя к ошибочным или, по крайней мере, не вполне достоверным выводам.

Некоторые компаративисты считают возможным реконструировать (так, например, поступают составители праславянского словаря, см. *Słownik prasłowiański*, t. II, 1976) лексему **čьstьnъostь* 'честность' и т. п., привлекая материалы из разных славянских языков, включая др.-рус. *чьстньность* и с.-хорв. *časnōst*. Но др.-рус. слово известно (как титул!) только в Никоновской летописи XVI в., а с.-хорв. лексема засвидетельствована только с XVII в. Кроме того, известно, что хорв. *častnost* (в хорватско-глаголической письмен-

ности) было заимствовано в XIV в. из чешского языка⁶. При таких данных трудно считать **čьstьnostь* праславянским словом, известным во всех праславянских диалектах. Тем не менее, реконструкция именно такого рода появляются в разных публикациях и солидных этимологических словарях. Этого не должно происходить, если считаться с историческими и текстологическими реальностями. Аналогичные проблемы возникают при анализе и ряда других слов, трактуемых сходным образом в праславянских словарях. Это, например, **bujьnostь* (в нашем праславянском словаре под ред. О. Н. Трубачева и в польском под ред. Ф. Славского). Однако в русском языке это недавнее слово (его нет у Срезневского и в Словаре русского языка XI—XVII вв.), в сербохорватских словарях оно квалифицируется как новое («и naše vtijeme u knjževnika»), в болгарском языке (у Герова) оно не документировано. Трудно, при таких данных, признать эту лексему праславянской. В польском праславянском словаре дается, например, **davьnostь*. Однако это слово в лучшем случае является диалектным праславянским (преимущественно или исключительно западнославянским).

Диалектные зоны относительно разных типов словообразовательных моделей образуются не только наличием или отсутствием в языке соответствующих формантов, но и сочетаемостью конкретного форманта с разными типами основ. Здесь, например, за активностью какого-либо конкретного суффикса на определенной части славянской территории могут скрываться глубокие различия в его валентности по отношению к разным типам словообразовательных основ. Тем самым также создается дифференциация, внешне не столь очевидная, как, например, наличие или отсутствие самого форманта, но очень важная для выяснения возникновения диалектных различий вообще и являющаяся важным формальным инструментом для изучения взаимодействия славянских языков и диалектов и для разного рода исследований, в первую очередь текстологических. Отсюда, как мы надеемся, понятна опасность элементарного сравнения суффиксальных формаций без учета всех этих обстоятельств. Становится очевидным, что в определенных случаях нужна предварительная очистка материала для сравнения и реконструкции.

Эвристические возможности идеи диалектных зон праславянского с различной валентностью формантов *-ostь*, *-ьstvo* (*-ьstvьje*) относительно разных типов производящих основ опираются также на известный факт широкого распространения церковнославянских рукописей в славянском мире, в результате чего в эти рукописи проникает большое количество элементов из разных славянских языков. Они разносятся практически по всему славянскому миру. Так, например, чешские церковнославянские тексты X—XII вв. попадали на Русь также и через болгарское посредство⁷. Поэтому если, например, в сочинениях Иоанна Экзарха попадают формальные богемизмы (например, *дробньство*), а в Изборнике Святослава *грбьньство*, то это должно не удивлять, а стимулировать к текстологическим разысканиям, ибо история церковнославянских текстов очень непростая.

Примечания

- 1 Кравчук Р. В. Дифференциация праславянских культурных диалектов по данным словообразования (фрагменты славянского словообразования). Минск, 1983.
- 2 Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- 3 См.: Крайчук Р. У. Да марфалагічнай матывацыі ўжывання фарманта *-stvie* у старажытаскай мове. — Беларускае лінгвістыка. Мінск, 1980 (17), 58—61. Здесь отмечается, что в Вышеградском сборнике сочинений Т. Штитного употребляются 24 существительных на *-enstvie*. Из них только три имеют параллели на *-enstvo*.
- 4 См.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПб., 1910, с. 59. См. еще: Mareš F. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Beséd Řehoře Velikého (Dvojeslova). — Slavica. XXXII, 3, 1963, 437—438.
- 5 Шанский П. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ostь* в русском языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, 120—121. В статье П. М. Шанского указывается, что формант *-ostь* присоединился и к прилагательным на *-ьн-* (приводится слово *черность*). Но это явная ошибка: в праславянском слове **čьrnь* 'черный' (такова именно праформа) никакой суф. *-ьн-* не выделяется. Членение может производиться только на дославянском (индоевропейском) уровне. Обзор этимологий приводит ЭССЯ, вып. 4, 155—157. Слово *чьстьность*, приводимое В. В. Грещуком (см. его «Историчний розвиток словотвірної структури українських іменників на *-ість* (< *-ostь*)» (в ж. «Мовознавство», 1981, № 3, 61), представляет собой специальную проблему, о чем речь будет далее.
- 6 См. Stěrbová M. K otázce bobeník v charvátskohlaholškém písemnictví. — In: Studie a práce lingvistické I / K šedesátým narozeninám akad. B. Havráuka. Pr. 1954, 382.
- 7 См.: Флоровский А. В. Чешские струи в истории русского литературного развития. — Славянская филология. М., 1958, III, 211—251.

Л. В. Куркина

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Метод лингвистической географии наряду с другими методами (фонетическим, словообразовательным, семантическим и т. п.) входит в арсенал внутренних средств этимологической науки, конечные цели и задачи которой подчинены решению общей проблемы реконструкции праславянской языковой системы во времени и пространстве¹. В «Этимологическом словаре славянских языков»² лингвогеографическая характеристика является одним из критериев этимологического анализа и вместе с тем имеет определенное самостоятельное значение, поскольку территориальное распределение этимологических связей и соответствий дает основание для суждений о диалектном членении праславянского языка. «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ), ориентированный на выявление изоглоссных связей, регулярно отмечает и выделяет праславянские